

Политическая лингвистика. 2024. № 2 (104).
Political Linguistics. 2024. No 2 (104).

УДК 811.111'42+808.51
ББК ШП43.21-51+ШП43.21-55

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.6; 5.9.8

Анна Анатольевна Радюшкина^{1✉}, Виктория Игоревна Космодемьянская^{2✉}, Мария Валерьевна Лисенко^{3✉}

^{1,2,3} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

¹ galeyа-2001@yandex.ru ✉, SPIN-код: 2528-0288

² kosmoviktoria@gmail.com ✉, SPIN-код: 1902-8924

³ marialisenko@yandex.ru ✉, SPIN-код: 7327-9166

К вопросу о гендерном факторе в современном американском политическом дискурсе

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние гендерного фактора на речевое поведение в рамках институализированного дискурса, проводится сопоставительный анализ форм коммуникативного поведения, выбираемых политическими речевыми субъектами разной гендерной принадлежности. Формы речевого поведения представлены в виде анализа речевых стратегий и тактик, также дана их интерпретация на примере взаимодействия Дональда Трампа и Хиллари Клинтон в рамках предвыборной президентской кампании 2016 г. Представленная ситуация дает возможность оценить роль именно гендерного фактора, поскольку прочие параметры коммуникативного контекста (например, социальный статус, ближайшая и долгосрочная цели коммуникации, адресная аудитория) оказываются общими для участников.

В демонстрируемом политиками речевом поведении проявляется большее количество черт сходства, чем отличия. Причины этого видятся в сильном влиянии институционального характера политического дискурса, предписывающего актуализацию профессиональных черт субъекта и затумашивание его индивидуально-личностных черт, в том числе гендерно обусловленных. В качественном отношении в подавляющем большинстве случаев обнаружено использование оппонентами одного и того же арсенала тактик, а именно тактик согласия, аргументации, лавирования, смены прагматического фокуса, обличения, отсылки к цифрам, непрямо́й критики, насмешки, положительной самопрезентации, негативной презентации оппонента. Тем не менее в целом поведение Трампа характеризуется более выраженным наступательным характером, что соотносится с данными гендерной лингвистики о более активной роли мужчин в социальной деятельности и их большей склонности к речевой агрессии. Обнаруженные немногочисленные отличия позволяют говорить о том, что и в статусно-ориентированном взаимодействии проявляются такие гендерно обусловленные черты, как стремление мужчин доминировать и контролировать ситуацию, готовность идти на наступление и использовать более резкие формы коммуникативного противостояния и стремление женщин к менее конфликтному поведению, к выстраиванию горизонтальных отношений принятия и одобрения внутри социальной группы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая риторика, политическое выступление, политические деятели, лингвоперсонология, языковая личность, политические тексты, американские президенты, женщины-политики, гендер, гендерный фактор, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, коммуникативное поведение, речевая деятельность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Радюшкина Анна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения института иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: galeyа-2001@yandex.ru.

Космодемьянская Виктория Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения института иностранных языков, Российский государственный университет им. А. И. Герцена; 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: kosmoviktoria@gmail.com.

Лисенко Мария Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения института иностранных языков, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 48; email: marialisenko@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Радюшкина, А. А. К вопросу о гендерном факторе в современном американском политическом дискурсе / А. А. Радюшкина, В. И. Космодемьянская, М. В. Лисенко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2024. — № 2 (104). — С. 136-143.

Anna A. Radyushkina^{1✉}, Viktoriya I. Kosmodem'yanskaya^{2✉}, Mariya V. Lisenko^{3✉}

^{1,2,3} Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

¹ galeyа-2001@yandex.ru ✉, SPIN-код: 2528-0288

² kosmoviktoria@gmail.com ✉, SPIN-код: 1902-8924

³ marialisenko@yandex.ru ✉, SPIN-код: 7327-9166

On the Gender Factor in Modern American Political Discourse

ABSTRACT. The article examines the influence of the gender factor on speech behavior within the framework of institutionalized discourse and provides a comparative analysis of the forms of communicative behavior chosen by political speech actors belonging to different genders. The forms of speech behavior are presented as an analysis of speech strategies and tactics; their interpretation is given on the example of interaction between Donald Trump and Hillary Clinton during the 2016 presidential election campaign. The presented situation makes it possible to assess the role of the gender factor objectively, since the other parameters of the communicative context (for example, their social status, the immediate aim and the long-term goal of communication, the target audience) are common for the participants.

The speech behavior demonstrated by the politicians shows more similarities than differences. It may be explained by the strong influence of the institutional nature of political discourse, which prescribes the actualization of professional characteristics of the communicants and the obscuration of their individual personal traits, including the gender-based ones. Qualitatively, in the vast majority of cases, the opponents are found to use the same arsenal of tactics, namely the tactics of agreement, argumentation, maneuvering, shifting the pragmatic focus, denunciation, reference to statistics, indirect criticism, ridicule, positive self-presentation, and negative presentation of the opponent. Nevertheless, in general, Trump's behavior is characterized by a more pronounced offensive character, which is in line with gender related linguistics data showing a more active role of men in social activities and their greater propensity for verbal aggression. The few differences found suggest that gender-based traits such as men's desire to dominate and control the situation, readiness to attack and use more drastic forms of communicative confrontation, and women's desire for a less competing behavior, for building horizontal acceptance and approval relationships within a social group are also manifested in this status-oriented interaction.

KEYWORDS: political discourse, political rhetoric, political speech, politicians, linguopersonology, linguistic personality, political texts, American presidents, women-politicians, gender, gender factor, communication strategies, communication tactics, communicative behavior, speech.

AUTHOR'S INFORMATION: Radyushkina Anna Anatol'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English Language and Cultural Studies, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Kosmodem'yanskaya Viktoriya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English Language and Cultural Studies, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

Lisenko Mariya Valer'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English language and Cultural Studies, Institute of Foreign Languages, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Radyushkina A. A., Kosmodem'yanskaya V. I., Lisenko M. V. (2024). On the Gender Factor in Modern American Political Discourse. In *Political Linguistics*. No 2 (104), pp. 136-143. (In Russ.).

Дискурсивная деятельность людей понимается как речевая практика, т. е. интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения [Карасик 2000: 5]. Это взаимодействие приводит к порождению такого вербального продукта, как текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие [Арутюнова 1990: 136–137], при этом дискурс служит инструментом актуализации психики субъекта [Сухих 2013: 12–19].

На модели поведения, к которым обращается индивид, накладывает отпечаток множество факторов — пол, возраст, образование, социальная среда, культурно-социальный опыт, предшествующий опыт деятельности в определенной сфере в количественном и качественном отношении и др. Наряду с физическим поведением влиянию указанных факторов подвергается и речевое поведение человека. Часть перечисленных выше факторов

относится к биологическим, часть — к социальным. С самого начала зарождения гендерной науки исследователей интересовало соотношение биологического и социального в бихевиористических и коммуникативных моделях поведения человека [Дейк 1989: 23–25].

Политический дискурс относится к институциональным типам дискурса и «отражает статусно-ориентированные роли его участников» [Карасик 2000: 5–10]. Согласно данным классической политической теории, субъектом политики является мужчина [Роуз 1992: 53]. Будучи в хронологической ретроспективе маскулинной сферой деятельности, в которой состязались зрелые умом и летами мужчины, политика в настоящее время представлена политическими фигурами разного пола и возраста.

Нам интересно проследить соотношение черт речевого поведения коммуникантов в рамках политического взаимодействия, выявить специфику коммуникативного поведения представителей политического дискурса разного пола с позиций выявления в нем черт, обусловленных, с одной стороны, институциональными, с другой стороны, гендерными факторами.

К институциональным относятся такие факторы, как хронотоп, система целей, ро-

левые характеристики участников, устоявшиеся вербальные и невербальные модели поведения, характерные жанры речи, дискурсивные формулы. Данные факторы, если и не нивелируют, то в значительной мере сглаживают личностные черты коммуникантов и выдвигают на первый план социально ожидаемые, профессиональные черты [Карасик 2000: 11; Graddol and Swan 1989: 214].

Под гендерной составляющей понимают совокупность социальных, культурных и психологических аспектов «женского» в сравнении с «мужским» [Пушкарева 2007: 16].

К результатам гендерных исследований относятся следующие наблюдения, характеризующие маскулинное и фемининное поведение.

Дети с самого раннего возраста усваивают социально-культурные ожидания, предъявляемые их полу, что в социальной психологии известно как «обретение гендерной идентичности» [Coates 1986: 121–134].

В мужском коллективе присутствует иерархическое устройство, где лидер распоряжается, дает указания, может угрожать, высмеивать, хвалить других членов группы. В коллективе мальчиков и мужчин самоутверждение происходит за счет умений делать что-то лучше других, отсюда происходят конкуренция, борьба за доминирование, лежащие в основе взаимодействия в мужском коллективе. Конфликты протекают открыто, эмоции участников выражаются бурно. Так как в споре, конфликте, игре мальчиков всегда есть победитель и проигравший, каждый участник стремится стать победителем, ситуация соперничества стимулирует дух борьбы. Мальчики могут высмеивать как мальчиков, так и девочек. Для девочек данное поведение не характерно [Smith 1995: 30–31].

Если для мальчиков ценна независимость, то для девочек значима близость, поэтому они общаются небольшими группами, в которых стремятся нравиться ее членам. Мальчики склонны отдавать распоряжения, девочки же предлагают. В ситуации конфликта мальчики «вскрывают» проблему и стремятся исчерпать ее, девочки предпочитают компромиссы и мирно-гармоничные отношения [Connell 1997: 79; Tannen 1993: 83]. Мужские отношения могут рассматриваться как вертикальные, женские как горизонтальные [Скребцова 2020: 267].

Мужчины чаще перебивают, им не свойственно признавать свою уязвимость и сложнее признавать ошибки [Eakins and Eakins 1998: 119–121].

Женщины могут признать, что нуждаются в помощи или обращались за советом,

они могут жаловаться на обстоятельства [Eakins and Eakins 1998: 123–124].

В речевом взаимодействии мужчины стремятся контролировать тему, перескакивая на новую или перебивая. Женщины дольше придерживаются выбранной темы, при этом их речь отличается большей формальной и содержательной связностью [Скребцова 2020: 272; Tannen 1994: 66].

Считается, что усвоенные модели в ситуациях смешанного гендерного взаимодействия у обоих полов адаптируются, при этом женщины чаще подражают мужскому стилю общения [Скребцова 2020: 266; Tannen 1993: 85].

Как отмечают исследователи, политический дискурс характеризуется дистанцированностью, авторитарностью, агрессивностью и институциональностью [Шейгал 2004: 57; Полонянкина 2022: 2584] и поэтому требует особых средств гендерного конструирования [Полонянкина 2022: 2584].

Цель политического дискурса одна — захват и удержание власти [Шейгал 2004: 30], укрепление своих политических позиций, а средства ее достижения могут существенно варьироваться, и разница как осознанно, так и неосознанно выбираемых средств может быть обусловлена личностными качествами, ценностными установками, гендерной принадлежностью. На лингвистическом уровне коррелятом средств достижения цели выступают речевые стратегии, которые определяются общим замыслом речевого сообщения, представлением говорящего о конечной цели взаимодействия, а тактики, или тактические ходы, представлены конкретными речевыми ходами, в своей совокупности служащими достижению цели [Формановская 2008: 111–112]. Поэтому целью настоящего исследования является сравнительно-сопоставительный анализ выбираемых политическими речевыми субъектами разной гендерной принадлежности форм коммуникативного поведения, представленных речевыми стратегиями и тактиками, с последующей их интерпретацией.

Для того, чтобы обеспечить максимально возможную объективность, нужно исследовать коммуникативное поведение речевых субъектов, отличающихся гендерной принадлежностью, но объединенных другими параметрами коммуникации. Поэтому в качестве материала анализа был выбран фрагмент дебатов в президентской гонке 2016 г. в США, в которой для его участников едины такие параметры, как хронотоп, адресная аудитория, сверхзадача — победа в президентских выборах, непосредственная цель — понижение рейтинга противника за счет укрепления собственного имиджа.

Для большей достоверности результатов нами была выбрана коммуникативная ситуация, в которой участвуют политик-мужчина и политик-женщина, близкие по возрасту, социальному статусу и политическому весу. Ситуация представлена взаимодействием Д. Трампа и Х. Клинтон в рамках предвыборной президентской кампании 2016 г.

Пресуппозиция: «Достижение процветания» — первый сегмент первых дебатов в предвыборной гонке за место в Белом доме США между представителем Республиканской партии, Дональдом Трампом, и представителем партии демократов, Хиллари Клинтон, который проходил в сентябре 2016 г. в Нью-Йорке, США. Представители противоборствующих партий обсуждают насущные проблемы США и будущее страны в целом, предлагая свои способы решения проблем.

Ситуация: ведущий дебатов задает Д. Трампу довольно провокационный вопрос касательно налоговых деклараций, которые он должен опубликовать, чтобы голосующие смогли убедиться в том, что в деятельности президента отсутствует конфликт интересов. Хиллари Клинтон использует каверзный вопрос и ситуацию в свою пользу [URL://https://www.politico.com/story/2016/09/full-transcript-first-2016-presidential-debate-228761, дата обращения: 01.02.2024].

MODERATOR: Don't Americans have a right to know if there are any conflicts of interest?

TRUMP: I don't mind releasing. I'm under a routine audit. And it'll be released. And, as soon as the audit's finished, it'll be released.

MODERATOR: You're perfectly free to release your taxes during an audit. And so, the question, does the public's right to know outweigh your personal...

TRUMP: Well, I told you, I will release them as soon as the audit. Look, I've been under audit almost for 15 years. I will say this: I will release my tax returns — against my lawyer's wishes — when she releases her 33, 000 e-mails that have been deleted. As soon as she releases them, I will release my tax returns.

CLINTON: So, you've got to ask yourself, why won't he release his tax returns? And I think there may be a couple of reasons. First, maybe he's not as rich as he says he is. Second, maybe he's not as charitable as he claims to be. Third, we don't know all of his business dealings, but we have been told through investigative reporting that he owes about 650 million dollars to Wall Street and foreign banks. Or maybe he doesn't want the American people, all of you watching tonight, to know that he's paid nothing in federal tax-

es... So if he's paid zero, that mean he paid zero for troops, zero for vets, zero for schools or health.

На инициирующий вопрос ведущего о том, имеют ли право избиратели знать информацию о налогах кандидата в президенты и нет ли конфликта интересов, Дональд Трамп в качестве глобальной стратегии выбирает стратегию уклонения от прямого ответа, понимая, к чему клонит ведущий, но старается действовать в рамках кооперативного взаимодействия. В своей ответной реплике Трамп изначально использует тактику согласия (*I don't mind releasing*) и тактику аргументации, ссылаясь на аудиторскую проверку (*And it'll be released. And, as soon as the audit's finished, it'll be released*). Согласие выражено не утверждениями «да, предоставляю», а глаголом в отрицательной форме «don't mind» (не возражаю), что также демонстрирует намерение Трампа лавировать и не давать точного ответа на провокационный вопрос.

Ведущий не останавливается и продолжает настойчиво требовать у Трампа ответа, используя тактику отсылки к закону, указывая на то, что Д. Трамп даже во время аудита имеет все возможности и право опубликовать информацию о налогах (*You're perfectly free to release your taxes during an audit*).

Трамп, осознавая свое шаткое положение, выбирает стратегию манипулирования и посредством тактики лавирования и смены прагматического фокуса переключает внимание на своего оппонента. Д. Трамп обращается к Х. Клинтон в третьем лице (... *when she releases... as soon as she releases...*), демонстрируя свое неуважительное отношение и даже пренебрежение. Используя также тактику обличения оппонента и отсылки к цифрам, Трамп заявляет о точном количестве писем, которые Х. Клинтон удалила по неизвестным причинам, чтобы таким образом вызвать сомнения у аудитории в отношении честности политического противника. Таким образом Трамп старается нанести ущерб положительному лицу Х. Клинтон и ее имиджу. Данное поведение есть яркий пример сути коммуникативной стратегии — влиять на мнение общественной массы путем манипулирования мнением аудитории [Иссерс 2009: 93–96].

В своей ответной реплике Клинтон выбирает некооперативное общение и использует стратегию дискредитации. Посредством тактик непрямої критики, насмешки и обличения через призму оппозиции на морфологическом уровне «мы — вы» (*we don't know..., we've been told that he owes...*), так-

тики аргументации и отсылки к цифрам (*we have been told through investigative reporting that he owes about 650 million dollars to Wall Street and foreign banks*) она заявляет, что, согласно журналистским расследованиям, Трамп не уплачивал федеральные налоги, а значит — не вложил собственные средства в жизнь американцев, тем самым пытаясь выставить Трампа в неблагоприятном свете перед избирателями. Х. Клинтон также обращается к тактике аргументированного перечисления фактов, (*first, second, thirdly...*), что говорит о ее подготовленности к дебатам и серьезному настрою. Клинтон посредством тактики кооперации с аудиторией, актуализируемой посредством прямого обращения к гражданам США (наблюдателям), используя местоимение «you»: «...all of you watching tonight...» — старается создать иллюзию сближения с народом: «я с вами, я одна из вас». Выбранная Клинтон «игра на понижение» противника помогает ей не только умалить авторитет Трампа, но и показать на конкретном примере, почему президентом должна стать именно она, а не Трамп. Стоит отметить, что тактика насмешки, реализуемая посредством иронии («*First, maybe he's not as rich as he says he is*»), с одной стороны, помогает Клинтон вызвать фрустрацию у оппонента и даже определенным образом спровоцировать его на агрессию, а также помогает Хиллари снять напряжение, продемонстрировать свое чувство юмора и завоевать симпатию зрителей.

Далее ведущий поднимает очень важный и довольно щекотливый для страны вопрос о расовой принадлежности граждан и направления, в котором США будут двигаться в отношении меньшинств.

TRUMP: The African-American community — the community within the inner cities has been so badly treated. They've been abused and used in order to get votes by Democrat politicians... And I just left Detroit, and I just left Philadelphia, and I just, you know, you've seen me, I've been all over the place. You decided to stay home and that's okay. But I will tell you I've been all over... And they <the African-American community> are very, very upset with what their politicians have told them and what their politicians have done.

CLINTON: I think Donald just criticized me for preparing for this debate. And, yes, I did. And you know what else I prepared for? I prepared to be a President. And I think it's a good thing.

В своей ответной реплике Д. Трамп вновь рассматривает ситуацию через призму оппозиции «мы, республиканцы, и вы, демократы», сравнивая две партии и их отношение к афроамериканцам. Трамп выбирает

некооперативную стратегию обвинения, тактику непрямой критики и излюбленную им тактику пренебрежительного отношения, актуализируемую обращением к оппоненту в 3-м лице, проводя параллель между республиканцами и демократами, которые «надругались» и «использовали» (*abused and used*) людей с целью сбора достаточного количества голосов. С точки зрения языка, Трамп использует в своей речи лексемы негативной окраски, очень экспрессивные по своему значению: *to abuse* в значении «злоупотреблять чем-либо», *to use someone for something* в значении «пользоваться кем-либо или чем-либо в угоду себе». Также использована тактика упрека и насмешки (*You decided to stay home and that's okay*). Идет яркое противопоставление: «*I've been all over the place*» и «*You decided to stay home*», присутствует синтаксический параллелизм, который также подчеркивает разницу между политическими соперниками.

В своей ответной реплике на все обвинения Д. Трампа Х. Клинтон, в свою очередь, выбирает осторожную и хитрую позицию: не нарушая форму кооперативного взаимодействия, она напрямую не отрицает то, что сказал Трамп, но и не соглашается с его высказыванием, используя стратегию манипулирования в форме тактики избирательного согласия, тактики лавирования и тактики смены прагматического фокуса: *I think Donald just criticized me for preparing for this debate. And, yes, I did*. Х. Клинтон насмехается над Трампом, намекая на то, что он, в отличие от нее, совершенно не готов к дебатам, а это значит — не готов стать достойным президентом США. Тактика смены прагматического фокуса, благодаря которой Клинтон вновь «переключает» внимание публики на оппонента, помогает ей уйти от ответа, сместив акцент с упрека в том, что она не нашла время на встречи с простыми избирателями для разговора об их нуждах, на эффективное использование этого времени для подготовки к исполнению обязанностей президента (*I think Donald just criticized me for preparing for this debate. And, yes, I did*), что позволяет ей сохранить свое позитивное лицо за счет обращения к тактике положительной самопрезентации (*And you know what else I prepared for? I prepared to be a President. And I think it's a good thing*). Также важно отметить, что Клинтон обратилась к Трампу по имени, что, с одной стороны, может прозвучать довольно фамильярно в ситуации политических выборов, а с другой — обратить внимание наблюдателей (голосующих) на то, что, в отличие от Трампа, она уважает своего оппонента, а значит, уважает

людей и как женщина будет с большим пониманием относиться к проблемам меньшинств и страны в целом.

Таким образом, в двух последовательных фрагментах взаимодействия Д. Трампа и Х. Клинтон наблюдается сочетание формы кооперативного взаимодействия одного коммуниканта с некооперативным поведением другого с последующим переключением на противоположные формы. Можно отметить, что кооперативное взаимодействие выбирается каждым из политиков тогда, когда они ощущают себя в уязвимой позиции. И напротив, имея некий «козырь» против своего оппонента, сначала Клинтон, затем Трамп ведут наступательную борьбу, придерживаясь некооперативной формы взаимодействия. В рамках наступательного некооперативного взаимодействия речевой вклад каждого речевого субъекта превышает речевой вклад оппонента, которому приходится уходить от ответа, выдерживая форму оборонительного кооперативного общения.

На уровне используемых ими стратегий наблюдается совпадение в использовании стратегии манипулирования, реализуемой каждым участником дебатов в рамках кооперативного взаимодействия, имплицитно обнаруживающего слабость позиции каждого. Различными в рамках некооперативного взаимодействия выступают стратегия уклонения от прямого ответа и стратегия обвинения со стороны Трампа и стратегия дискредитации со стороны Клинтон.

Отличие в количестве стратегий (три у Трампа против двух у Клинтон) говорит о более выраженном наступательном характере коммуникативного поведения Трампа, что соотносится с данными гендерной лингвистики о более активной роли мужчин в социальной деятельности и их большей склонности к физическому и речевому нападению [Mills 2003: 204–205]. Выбранные Трампом стратегия уклонения от прямого ответа и стратегия обвинения обнаруживают большую коммуникативную активность с его стороны, как в количественном, так и в качественном аспектах, отражающих соответственно интенсивность и степень агрессивности его речевого поведения.

По количеству используемых ими тактик, Трамп и Клинтон продемонстрировали одинаковые показатели, что можно объяснить тем, что речевым ходам соперника каждый пытался противопоставить свой речевой ход, выдерживая паритет для соблюдения баланса силы в глазах избирателей, и оба оппонента близки друг другу по своим коммуникативным навыкам ведения политической борьбы.

В качественном отношении сопоставительный анализ обнаружил в подавляющем большинстве случаев использование оппонентами одного и того же арсенала тактик, а именно тактик согласия, аргументации, лавирования, смены прагматического фокуса, обличения, отсылки к цифрам, не прямой критики, насмешки, положительной самопрезентации, негативной презентации оппонента.

Отличия наблюдаются в использовании Трампом тактики упрека, несколько пренебрежительного обращения к оппоненту и удержании фокуса на противнике и использовании Клинтон тактики кооперации с аудиторией и тактики избирательного согласия.

Выбор Трампом тактик упрека и пренебрежительного обращения к оппоненту можно интерпретировать как попытку проявить силу того, кто может себе это позволить, т. е. проявление своего доминирования. Удержание фокуса на противнике в некоторой степени отражает доминирующую позицию и стремление контролировать оппонента [Hentley 1997: 80].

В выборе Клинтон тактики кооперации с аудиторией можно увидеть связь с данными гендерной лингвистики об устремленности женщин к выстраиванию горизонтальных связей и их стремлению к одобрению группой, причем вне зависимости от гендерного состава группы [Dixon 1992: 100–101, электронный ресурс: <http://www.collegian.psu.edu/archive/1994/11/11-15-94tdc/11-15-94dops-column.asp>, дата обращения: 13.02.2024]. Тактика избирательного согласия может говорить об отсутствии силы совершить противонаправленный речевой ход. Клинтон, выразив частичное согласие, сфокусировалась на своем положительном имидже, т. е. осталась на «домашней территории», которую она лучше контролирует, тогда как Трамп после выражения согласия применил тактику обличения, другими словами, перешел к нападению, т. е. снова продемонстрировал более активное и агрессивное поведение, в целом более характерное для мужчин [Buirke 1997: 23].

Формирование и актуализация гендерной идентичности в политическом дискурсе обусловлены такими его характеристиками, как авторитарность, дистанцированность и агрессивность, которые мужчина-политик демонстрирует в силу своей природы, а женщина-политик перенимает как черту традиционных акторов политической сферы.

Подводя итоги, отметим, что демонстрируемое политиками речевое поведение содержит большее количество черт сходства, чем отличия. Причины этого видятся в сильном влиянии институционального характера

политического дискурса, предписывающего актуализацию профессиональных черт субъекта и затушевывание его индивидуально-личностных черт, в том числе гендерно обусловленных. Тем не менее обнаруженные многочисленные отличия позволяют говорить о том, что и в статусно-ориентированном взаимодействии проявляются такие гендерно обусловленные черты, как стремление мужчин доминировать и контролировать ситуацию, готовность идти в нападение и использовать более резкие формы коммуникативного противостояния, и стремление женщин к менее конфликтному поведению, к выстраиванию горизонтальных отношений принятия и одобрения внутри социальной группы.

ИСТОЧНИКИ

1. Full transcript: First 2016 presidential debate. — URL: <https://www.politico.com/story/2016/09/full-transcript-first-2016-presidential-debate-228761>, дата обращения: 01.02.2024.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова. — Текст : непосредственный // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136–137.
2. Дейк, Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. — Москва : Прогресс, 1989. — 312 с. — Текст : непосредственный.
3. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта, 2009. — 224 с. — Текст : непосредственный.
4. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик. — Текст : непосредственный // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5–20.
5. Полоньянкина, Н. В. Особенности конструирования гендерной идентичности в современном политическом медиадискурсе Германии (на примере прозвищных наименований женщин-политиков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Philology. Theory & Practice. — 2022. — Т. 15. — Вып. 8. — С. 2580–2585 | 2022. Volume 15. Issue 8. — P. 2580–2585.
6. Пушкарева, Н. Л. Гендерная теория и историческое знание / Н. Л. Пушкарева. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2007. — 496 с. — Текст : непосредственный.
7. Роуз, Х. Исследование женских проблем в Великобритании / Х. Роуз. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 1992. — № 5. — С. 52–59.
8. Скребцова, Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика : курс лекций / Т. Г. Скребцова. — Москва : Языки славянской культуры (ЯСК), 2020. — 313 с. — Текст : непосредственный.
9. Сухих, С. А. Коммуникативная компетентность / С. А. Сухих. — Краснодар : [б. и.], 2013. — 192 с. — Текст : непосредственный.
10. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. — Москва : Икар, 2007. — 480 с. — Текст : непосредственный.
11. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.
12. Brown, P. Linguistic Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — 345 p. — Text : unmediated.
13. Buirke, P. Gender Shock: Exploding the Myths of Male and Female / P. Buirke. — New York, NY : Anchor Press, 1997. — 308 p. — Text : unmediated.
14. Coates, J. Women, men and language: A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language / J. Coates. — London; NY : Longman, 1986. — 194 p. — Text : unmediated.

15. Connell, R. W. Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics / R. W. Connell. — New York, NY : Stanford University Press, 1997. — 380 p. — Text : unmediated.
16. Eakins, B. Sex Differences in Human Communications / B. Eakins, R. Eakons. — Boston, MA : Houghton Mifflin, 1998. — 217 p. — Text : unmediated.
17. Graddol, D. Gender Voices / D. Graddol, J. Swan. — Oxford : Blackwell, 1989. — 180 p. — Text : unmediated.
18. Hentley, N. Body Politics: Power, Sex, and Nonverbal Communication. Englewood / N. Hentley. — Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1997. — 214 p. — Text : unmediated.
19. Mills, S. Gender and politeness / S. Mills. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 270 p. — Text : unmediated.
20. Smith, P. M. Language, the Sexes, and Society / P. M. Smith. — Oxford : Blackwell, 1995. — 211 p. — Text : unmediated.
21. Tannen, D. Gender and Conversation Interaction / D. Tannen. — New York, NY : Oxford University Press, 1993. — 352 p. — Text : unmediated.
22. Tannen, D. Gender and Discourse / D. Tannen. — New York, NY : Oxford University Press, 1994. — 216 p. — Text : unmediated.
23. Dixon, J. Gender and Communication. University of Cape Town / J. Dixon. — 1992. — URL: <http://www.collegian.psu.edu/archive/1994/11/11-15-94tdc/11-15-94dops-column.asp> (date of access: 13.02.2024). — Text : electronic.

MATERIALS

1. Full transcript: First 2016 presidential debate (n.d.). Retrieved Feb. 1, 2024, from <https://www.politico.com/story/2016/09/full-transcript-first-2016-presidential-debate-228761>.

REFERENCES

1. Arutyunova, N.D. (1990). *Diskurs* [Discourse]. In *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (pp. 136–137). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (In Russ.)
2. Deyk, T.A. van (1989). *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya* [Language, cognition, communication]. Moscow: Progress, 312 p. (In Russ.)
3. Issers, O.S. (2009). *Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu»* [Speech influence: textbook. manual for students studying in the specialty “Public Relations”]. Moscow: Flinta, 224 p. (In Russ.)
4. Karasik, V.I. (2000). O tipakh diskursa [On types of discourse]. In *Yazykovaya lichnost': institucional'nyy i personal'nyy diskurs* (Collection of scientific works, pp. 5–20). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
5. Polonyankina, N.V. (2022). Osobennosti konstruirovaniya gendernoy identichnosti v sovremennom politicheskom mediadiskurse Germanii (na primere prozvizhnykh naimenovaniy zhenshchin-politikov) [Features of constructing gender identity in modern political media discourse in Germany (using the example of nicknames for female politicians)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Philology. Theory & Practice*, 15(8), 2580–2585. (In Russ.)
6. Pushkareva, N.L. (2007). *Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie* [Gender theory and historical knowledge]. St. Petersburg, 496 p. (In Russ.)
7. Rouz, Kh. (1992). Issledovanie zhenskikh problem v Velikobritanii [Research on women's issues in Great Britain]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 5, 52–59. (In Russ.)
8. Skrebtsova, T.G. (2020). *Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika : kurs lektsiy* [Linguistics of discourse: structure, semantics, pragmatics: course of lectures]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury (YaSK), 313 p. (In Russ.)
9. Sukhikh, S.A. (2013). *Kommunikativnaya kompetentnost'* [Communicative competence]. Krasnodar, 192 p. (In Russ.)
10. Formanovskaya, N.I. (2007). *Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika* [Speech interaction: communication and pragmatics]. Moscow: Ikar, 480 p. (In Russ.)
11. Sheygal, E.I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis, 326 p. (In Russ.)
12. Brown, P., & Levinson, S. (1994). *Linguistic Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 345 p.
13. Buirke, P. (1997). *Gender Shock: Exploding the Myths of Male and Female*. New York, NY: Anchor Press, 308 p.

14. Coates, J. (1986). *Women, men and language: A Sociolinguistic Account of Gender Differences in Language*. London; NY: Longman, 194 p.
15. Connell, R. W. (1997). *Gender and Power: Society, the Person and Sexual Politics*. New York, NY: Stanford University Press, 380 p.
16. Eakins, B., & Eakins, R. (1998). *Sex Differences in Human Communications*. Boston, MA: Houghton Mifflin, 217 p.
17. Graddol, D., & Swan, J. (1989). *Gender Voices*. Oxford: Blackwell, 180 p.
18. Hentley, N. (1997). *Body Politics: Power, Sex, and Nonverbal Communication*. Englewood. Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 214 p.
19. Mills, S. (2003). *Gender and politeness*. Cambridge: Cambridge University Press, 270 p.
20. Smith, P.M. (1995). *Language, the Sexes, and Society*. Oxford: Blackwell, 211 p.
21. Tannen, D. (1993). *Gender and Conversation Interaction*. New York, NY: Oxford University Press, 352 p.
22. Tannen, D. (1994). *Gender and Discourse*. New York, NY: Oxford University Press, 216 p.
23. Dixon, J. (1992). *Gender and Communication*. University of Cape Town. Retrieved Feb. 13, 2024, from <http://www.collegian.psu.edu/archive/1994/11/11-15-94tdc/11-15-94dops-column.asp>